

УЗРИТЕЛЕЙ всегда удовлетворяются своеобразные отношения с театром, растущим в республике. Если пришедший коллектив высоким уровнем своих спектаклей завоевывает признание, зрители вроде бы временно услаждаются го-лой, приликает к ним, как к своим. Публика радуется успехам театра и сопереживает неудачам. Появляются любимые артисты.

Думается, что у тех, кто видел спектакли Магнитогорского драматического театра имени А. С. Пушкина, сложились с го-стями подобные отношения. Пе-ред талантливым зрителем по-ступило, от спектакля к спек-таклю, раскрывалось творческое лицо приехавшего коллектива. Ли-цо, теперь уже можно смело ска-зать, привлекательное.

Репертуар театра позволяет увидеть творчество магнитогор-цев с разных сторон. Четко про-сматриваются две основные ма-неры: монументально-веселое, остро публицистическое решение современных советских пьес и поэтичная театральность класси-ческих комедий.

Л И Ц О ПОЛЮБИВШЕГОСЯ ТЕАТРА

Первое направление отражено в постановках заслуженного де-ятели искусства РСФСР А. А. Ре-знишина «Третья патетическая» по пьесе Н. Погодина и «Дело, которому ты служишь» (инспи-рировка романа Ю. Германа).

Говоря о первом на этих спек-таклей, прежде всего хочется от-метить исполнителя роли В. И. Лепина заслуженного артиста РСФСР Л. Охлупина.

Не так-то часто актеры реша-ются на собственную трактовку великого образа. Играют по «классическим эталонам», игра-ют подчас под В. Шуккина, М. Штрауха, возможно, скоро будут играть, как Ю. Казаров, Л. Охлу-пин хочет показать зрителю сво-его Ленина, подчеркивает пре-жде всего его энергию, прометее-вый огонь, живущий в душе уже тя-желого больного вождя. Ленин в исполнении Охлупина попросту не замечает болезнь, не позволя-ет себе замечать: время тяжелое и он нужен своему делу.

«Третья патетическая», таким образом, становится спектаклем не только о Ленине и о револю-ции, но и спектаклем о совре-менности, о долге, о вечном служе-нии людям.

В этом отношении постановка переключается с другой — «Де-лом, которому ты служишь».

У магнитогорцев «Дело, кото-рому ты служишь» — спектакль прежде всего о борьбе, которую ведет врач Владимир Устимен-ко. Устименко в исполнении Н

Мохова твердо знает, за что он борется: за здоровье людей, за их жизнь. Обстоятельства скла-дываются так, что эту борьбу в операционной и больничных палатах, но и в кабинетах адми-нистраторов и даже в собствен-ной квартире. Н. Мохов акценти-рует с виду не слишком прият-ные черты характера своего ге-роя: резкость, порой переходя-щую в грубость, несдержанность, замкнутость в себе, привычку иногда рубить с плеча — вместо того чтобы разобраться в челове-ке (вспомним, как несправедли-во оттолкнул Устименко Любу Табай).

Владимиру Устименко ужасно досадно, что вместо своих пря-мых обязанностей приходится тратит силы на борьбу с чуж-дым. К примеру, с тупостью начальника областного Женьки Степанова или кадрнички ма-дам Горбанюк. Борьба эта не приносит ему никакой радости, но нужно расчистить дорогу, чтобы потом можно было без помех выполнять свой долг. Во-ля этого Устименко терпит: «Раз можешь, значит, должен».

Мохова делают свою нужную, трудную и любимую работу. Превосходно проводит Васили-ева сцену с Катей Закадычной (артистка Ж. Русинова). Воро-ватая сестра-хозяйка — пустые, вытаращенные глаза, кокетли-вая походочка, норковое манто, купленное на деньги, выручен-ные от реализации больничных продуктов «налево», — ничего, кроме отращения, у Горбанюк не вызывает. Но вот Закадычная начала обвинять Устименко в политических ошибках. Как вскидывается Горбанюк, как за-блестели ее глаза, как вытяну-лись тонкие, хищные пальцы! Предлагая Катюше доносить на Устименко, Горбанюк торжест-венно объявляет: «Мы делаем свое нужное, хоть и незаметное дело!». Вот здесь-то и зарыта са-бака! Горбанюк ущемлена неза-метностью своего дела. Нужно-то дело всегда заметно. Но нуж-ное дело Горбанюк не постигнет! А здесь она в своей стихии.

Восторжен к своему герою Женьке Степанову и артист Ю. Зеленевский. Необычайно обя-зательный и комедийный, здесь, в отрицательной роли, Зеленевский зло рисует эдакого жирного хо-мяка, довольствующегося почти растительным существованием.

Хочется отметить престарелую мешанку Нину Леопольдовну, остро, характерно сыгранную ар-тисткой Г. Хренниковой.

Положительные герои, кроме Устименко, получились в спек-такле менее яркими. Необходимо лишь остановиться на блестяще сыгранной С. Самсоновым роли Гебейзена. В калейдоскопе от-ромной пьесы Гебейзену отведе-но немного места. Но вот он по-является на сцене — с трясущей-ся головой, в морском кителе с чужого плеча. Страх, постоянно живущий в глазах старого про-фессора, его поспешная готов-ность покинуть номер в гости-нице говорят о многом. «Ничего, я привык», — повторяет Гебей-зен — Самсонов, неловко соби-рая свои пожитки. И зритель ста-новится ясной судьба Гебей-зена, бывшего узника фашист-ского концлагеря.

Тут же вспоминается артист Самсонов в роли другого про-фессора-антифашиста в «Чисто английское убийство». Добро-совестно и квинто выкроенная из романа С. Хэйра чисто «кассо-вая» детективная пьеса — не лучший спектакль магнитогор-цев. Актеры честно разоблачают разложившийся капиталистиче-ский строй, число трупов, как полагается, растет. Одним сло-вом, есть все, что положено в таких случаях.

Но есть еще профессор Бот-вайн — Самсонов. Его безглы-вость, его старческая колочест-е оборачиваются здесь высокой че-ловечностью. Герой Самсонова стоит над грязью великосветских убийств именно потому, что он человек, антифашист, сопротив-ленец. И даже свое мирное за-нятие — изучение архитектуры средневековья — Ботвайн в конце концов делает оружием в антифашистской борьбе.

«Дело, которому ты служишь» — спектакль не во всем равно-душный. Отодвинута на задний план Варя Степанова. Актриса Т. Вагренева, с большим темпера-ментом перселяющая акцентриа-ду Вари, менее интересна в тех сценах, где требуется душевная теплота, сила чувства. К тому же прекрасные внешние данные актрисы вступают в противоре-чие с ролью.

Неудачен финал спектакля:

довольно банальный апофеоз У-стименко на фоне обязательной Эйфельской башни. Но эти недо-статки — частности, отходя по-затягивающие общее звучание по-становки.

Другая грань творчества теат-рального коллектива раскрыва-ется в классических комедиях. Здесь Магнитогорский театр — прежде всего веселый, яркий, ищущий особый язык для пере-дачи на сцене хитроумлений Шекспира и Лопе де Вега.

Спектакль «Много шума из ничего», поставленный Н. Мохо-вым, — живой, праздничный гимн любви. В центре постанов-ки — Бенедикт, сыгранный Мо-ховым в неординарно лириче-ской манере. Бенедикт с первой же сцены кажется влюбленным в Беатриче (артистка В. Казари-на). И их шуточные препира-тельства, — конечно же, не что иное, как объяснение в любви на условном языке театра Рене-санса. Правда, рядом с такими Бенедиктом и Беатриче во мно-гом теряет традиционная лири-ческая пара Клаудио и Геро.

В спектакле «Много шума из ничего» Магнитогорский театр показывает двух многообеща-ющих молодых актеров — В. Ни-китина и В. Денисова. Клаудио — Никитин очень юн, и его бес-причинная ревность объясняет-ся в спектакле впервые обманутой юношеской доверчивостью. Мо-жно сказать, что в постановке Мохова и исполнении Никитина Клаудио — это молодой Отелло. К счастью, молодой и потому еще оптимистичный.

В. Денисов играет Борачио. Роль эта как будто не дает осо-бого простора для творчества. Борачио — дружка в интриге злодея Дона Хуана, его обязан-ность — влезть в окно Геро и скомпрометировать девушку. Де-нисов, несмотря на ограничен-ность материала роли, создает образ ловкого, беспринципного и в то же время не лишенного не-которых рудиментов совести авантюриста. Борачио — Дени-сов не скрывает своего презре-ния к хозяину, к сообщнику, да и к себе. Он своеобразный него-дья-агет.

В «Чудесах пренебрежения» Лопе де Вега (постановка Н. Шу-рова) интересна актерская пара И. Жигиля (Дон Педро) и Ю. Зеленевский (Эрнандо). Пла-стичный, ловко владеющий сво-им телом Жигиль, изображая любовные муки героя, в халате и ночном колпаке вдруг чем-то неуловимым становится похо-жим на нашего родного Обломо-ва. Ловкий слуга Эрнандо, устраивающий счастье хозяина, а заодно и собственное, напоми-нает своего более позднего со-брата Фигаро: те же находчи-вость, дерзость, то же остроумие. Не уступают им и исполнитель-ницы главных женских ролей Р. Кузьмина и В. Самсонова.

Если уж предвзвешивать какой-то упрек театру, то в первую оче-редь к технике фехтования. И в «Чудесах пренебрежения», и в «Майоре Краватоне» Лабица актеры, взяв в руки шпаги, как-то сразу теряют ловкость и эле-гантность. А ведь благородное искусство фехтования в «коме-диях плаща и шпаги» играет не последнюю роль.

В целом спектакли магнитог-орцев интересны, увлекательны. Таланты увидели театр, ищущий самостоятельных путей и во всех своих постановках прежде всего современный.

В. ТУХ

СОВЕТСКАЯ ЭСТОНИЯ

Г. Таллин

25 ИЮН 1970